ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2
УДК 332.13, 332.15
JEL P41, R1, R12, R58

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Пространственное распределение экономических ресурсов в условиях новых вызовов развитию России[1]

Павел В. СТРОЕВ
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Строев, П. В. (2025). Пространственное распределение экономических ресурсов в условиях новых вызовов развитию России. *AlterEconomics, 22*(2), 185–202. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2

Аннотация. Статья посвящена исследованию концептуальных особенностей пространственного распределения экономических ресурсов в условиях изменения глобальных экономических связей и региональной политики России. Актуальность темы обусловлена появлением новых вызовов и факторов пространственного развития, определяющих необходимость трансформации существующих методологических основ. Научный вклад автора заключается в уточнении методологических основ подходов к пространственному распределению экономических ресурсов на основе учета современных вызовов и факторов социально-экономических преобразований в Российской Федерации. Автором выделены три категории принципов оптимального распределения ресурсов: ценностно-нормативные, экономические и институциональные. Обоснованы ключевые элементы комплексного механизма пространственного распределения экономических ресурсов: пространственное стратегическое планирование; инфраструктурное проектирование и развитие инфраструктурных каркасов; территории опережающего развития и особые экономические зоны; межбюджетные трансферты и субсидирование; инструменты государственно-частного партнерства; цифровые платформы управления ресурсами; инклюзивное участие локальных сообществ, обеспечивающих гибкость и адаптивность с учетом актуальных вызовов и факторов социально-экономических трансформаций. К ограничениям исследования относится высокая изменчивость внешнеэкономической среды, что требует дальнейших эмпирических изучений в области пространственной адаптивности и устойчивости регионов. Работа представляет интерес для исследователей и практиков в сфере региональной экономики, государственного управления и пространственного развития.

Ключевые слова: пространственное распределение, экономические ресурсы, территориальное неравенство, геоэкономика, приоритетные территории

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

[1] © Строев П. В. Текст. 2025.

REVIEW ARTICLE

Methodological Foundations behind Modern Approaches to the Spatial Distribution of Economic Resources in Russia

Pavel V. STROEV ✉
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

For citation: Stroev, P. V. (2025). Methodological Foundations behind Modern Approaches to the Spatial Distribution of Economic Resources in Russia. *AlterEconomics, 22*(2), 185–202.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2

Abstract. This article examines the conceptual foundations of spatial distribution of economic resources amid changing global economic relations and Russia's regional policies. Emerging challenges and new factors in spatial development necessitate updating existing methodologies. The study focuses on the principles, mechanisms, and tools of spatial planning, using analysis, synthesis, abstraction, generalization, and classification. The author refines methodological foundations of resource distribution approaches in light of current socio-economic transformations in Russia. The study highlights limitations of existing theories when applied to new territorial development factors such as digitalization, sanctions, climate risks, and geopolitical uncertainty. Analysis of modern approaches to spatial resource assessment, economic system typologies, and geoeconomic measurements identifies three core principles for optimal resource allocation: value-normative, economic, and institutional. The article outlines key elements of a comprehensive spatial resource distribution mechanism: strategic spatial planning; infrastructure design; development of special economic zones and advanced development areas; interbudgetary transfers; public-private partnerships; digital resource management platforms; and inclusive local community participation. These elements promote flexibility and adaptability amid socio-economic change. The findings can guide strategic and territorial planning, state programs, and investment initiatives. However, the study's limitations include the high variability of the external economic environment, highlighting the need for further empirical research on regional spatial adaptability and sustainability. This work may be of interest to researchers and practitioners in regional economics, public administration, and spatial development.

Keywords: spatial distribution, economic resources, territorial inequality, geoeconomics, priority territories

Acknowledgments: The research was conducted as part of the state assignment to the Financial University.

1. Введение

Современные трансформации мировой экономики, усиление геополитических рисков и перераспределение центров глобального влияния выдвигают на первый план необходимость пересмотра традиционных подходов к пространственному развитию и распределению экономических ресурсов. Для России, обладающей уникальными масштабами территории, ресурсным потенциалом и сложной пространственной структурой, актуализируется задача формирования теоретически обоснованной и методологически выверенной модели пространственного размещения ресурсов. Это необходимо для устойчивого социально-экономического развития, преодоления территориальных диспропорций, а также обеспечения национальной безопасности и повышения конкурентоспособности регионов.

Исторически сложившаяся структура территориального размещения хозяйственной деятельности в России несет в себе черты как плановой, так и либеральной моделей экономики, что предопределяет высокую степень неоднородности в распределении экономических ресурсов (Шаталова, 2022). Современные вызовы, включая санкционное давление, разрывы логистических цепочек и усиление региональной поляризации, требуют формирования новой парадигмы пространственного развития. В условиях перехода к новому мировому порядку, когда доминирование гло-

бальных центров силы сменяется многополярной архитектурой, национальные экономические стратегии должны быть ориентированы на внутреннюю устойчивость, стратегическую автономность и рациональное распределение ресурсов по территории страны (Строев, 2023). Проблематика пространственного распределения ресурсов приобретает особую значимость в контексте необходимости обеспечения сбалансированного развития, повышения инвестиционной привлекательности периферийных территорий и реализации национальных целей развития (Макар, 2024).

Методологическая база настоящего исследования опирается на классические экономические теории (Д. Рикардо, А. Смит, А. Маршалл), концепции пространственной экономики (А. Лёш, В. Кристаллер, У. Изард, П. Кругман), а также современные подходы институциональной экономики, геоэкономики и регионалистики. В числе методов, нашедших применение в рамках исследования, методы анализа и синтеза, метод научной абстракции, обобщения и классификации.

Научная новизна исследования заключается в уточнении методологических основ разработки эффективных подходов к пространственному распределению экономических ресурсов в условиях трансформации глобальной и национальной экономической систем. Предложены концептуальные основы методологии геоэкономического районирования, инфраструктурной связанности и институционального потенциала территории, базирующиеся на ценностно-нормативных, экономических и институциональных принципах пространственного распределения ресурсов. Раскрыта роль цифровой трансформации и пространственной связанности как новых факторов устойчивого территориального развития. Представлены ключевые элементы комплексного механизма оптимального распределения ресурсов в пространстве.

Гипотеза настоящего исследования состоит в предположении, что эффективность распределения экономических ресурсов в национальном пространстве может быть существенно повышена при условии применения комплексного подхода, основанного на интеграции теоретических концепций пространственного развития с учетом современных внешнеэкономических и геополитических факторов. Такой подход обеспечит устойчивое развитие, ресурсную сбалансированность регионов, снижение межрегиональных различий и повышение общей конкурентоспособности национальной экономики.

2. Эволюция теоретических подходов к пространственному распределению ресурсов

Развитие представлений о пространственном распределении экономических ресурсов отражает эволюцию экономической мысли от классических школ к современным интердисциплинарным подходам. Классические экономисты XVIII–XIX вв., такие как А. Смит и Д. Рикардо, впервые обозначили значимость пространства через концепции абсолютных и сравнительных преимуществ, показав, как природные условия и местоположение влияют на размещение факторов производства (Смит, 2016). Однако в их трудах пространство трактовалось преимущественно в географическом смысле, а не как социально-экономическая категория, что существенно ограничивало возможности их применения, поскольку не учитывалась специфика территорий с точки зрения социальной структуры, институционального разнообразия, неоднородности хозяйственной деятельности.

В конце XIX — начале XX вв. концептуальные основы пространственного анализа были существенно развиты благодаря маржиналистской традиции, акцентировавшей внимание на агломерационных эффектах и локализации производств

(Marshall, 1895). В этот период появляются предпосылки для формирования пространственной экономики как отдельного направления, где пространство выступает не просто как координатная плоскость, а как среда, обладающая внутренней логикой расположения ресурсов и хозяйственной активности. Существенный вклад в институционализацию данной области внесли В. Кристаллер (Christaller, 1980) и А. Лёш (2007), чьи модели центральных мест и пространственной равновесности заложили основы формализованного анализа территориальной структуры хозяйства. Их теории объясняли размещение экономической активности через сочетание разнообразных факторов и взаимосвязей, отличающихся неоднородностью и способных к изменению. Это обусловило целесообразность изучения природы разнородных воздействий и факторов, определяющих пространственное развитие в различные периоды времени, создав базу для предиктивного моделирования пространственной структуры. Предложенный авторами подход не потерял своей актуальности и в настоящее время, поскольку целесообразность поиска новых факторов и воздействий только возрастает в условиях новых глобальных вызовов. Более того, А. Лёш в своей теории пространственной организации хозяйства при анализе факторов отдельно обосновал необходимость осуществления рационального государственного регулирования в экономических районах для обеспечения учета «требований всего хозяйства» на основе синтеза ограничений и свободы (Лёш, 2007).

У. Изард во второй половине XX в. предложил первые математически формализованные модели регионального анализа, интегрировав пространственный фактор в экономико-математическое моделирование (Изард, 1966). Параллельно развивалась марксистская традиция, трактующая пространство как арену классовых конфликтов и инструмент капиталистического неравенства (Юдин, 2006). В отечественной науке 1960–1980-х гг. активно развивались модели межотраслевого баланса (Канторович, 1959; Немчинов, 1962), схемы территориального планирования и размещения производительных сил (Колосовский, 1969). В отличие от западных ученых, которые уделяли основное внимание проблематике размещения отдельных предприятий в пространстве, отечественные авторы предпринимали попытки организации и оптимизации всего народнохозяйственного комплекса, предполагая, что его отдельные структуры (экономические районы, ТПК) должны обладать определенной экономической специализацией, которая обеспечит им самостоятельность и самодостаточность в рамках более масштабной пространственной структуры (Баранский, 1980; Пробст, 1962; Колосовский, 1969). Несмотря на то, что советскими учеными не предпринималось целостных попыток комплексного осмысления экономического пространства как единой категории, а вопросы территориальной специализации остаются дискуссионными и по сей день, заслуживает внимания стремление к формированию пространственной структуры национальной экономики с выделением ее ключевых звеньев. Работы авторов представляют собой важный вклад в развитие представлений о пространственной организации хозяйства и сохраняют актуальность в современных условиях, особенно в контексте трактовки экономического пространства как сложной, многоуровневой и системно организованной структуры, подверженной постоянному воздействию со стороны внутренних и внешних факторов.

С конца XX в. — начала XXI в. теория пространственной экономики претерпела качественное обновление. Работы П. Кругмана по «новой экономической географии» переосмыслили взаимодействие между экономическим ростом, торговлей

и пространственным размещением (Krugman, 1991; Кругман, 1997[1]). Была показана возможность эндогенного формирования экономических кластеров, когда малые преимущества перерастают в устойчивые центры экономической активности. Теория асимметричной интеграции, агломерационных преимуществ и эффекта масштабов расширила инструментарий пространственного анализа (Venables, 1996; Fujita et al., 2001). Однако нельзя не отметить существенные ограничения данного подхода: фокус на одномерных географических структурах или линейной экономике, а также упрощенный характер исходных предпосылок, касающихся конкуренции, экономической структуры и поведения производителей и потребителей, что не позволяет оценивать изменчивость факторов и игнорирует культурные, институциональные и исторические особенности пространства.

В начале XXI в. теории пространственного развития стали развиваться с еще большей скоростью, охватывая различные аспекты: эмпирическая модель Д. Дэвиса и Д. Вайнштейна (Davis & Weinstein, 2002), эконометрическая модель пространственных лагов Лунгэнь Ина (2005), динамическая модель LandSHIFT Р. Шальдаха, Дж. Алкамо и М. Хейштермана (Schaldach et al., 2006), теория жизненного пространства Ф. Ратцеля (2007) и др. Данные теоретические модели интегрируют достижения смежных дисциплин: геоэкономики, урбанистики, логистики, институциональной теории. Пространство рассматривается как сложная система взаимодействующих сетей — экономических, транспортных, информационных, социальных. Возникает необходимость учитывать не только физическую доступность ресурсов, но и цифровую связанность, институциональную плотность, культурные коды (Суворова, 2020). Теоретическая мысль в XXI в. движется от абстрактных моделей равновесия к динамическим, адаптивным, контекстным подходам, что особенно актуально для стран с протяженной территорией и высокой внутренней дифференциацией, таких как Россия (Дальневосточная научная школа (Минакир, 2019; Минакир, Демьяненко, 2010; Джурка, 2021), Уральская научная школа (Лаврикова и др., 2019; Лаврикова, Суворова, 2020), Московская научная школа (Бухвальд, 2020; Пилясов и др., 2020; Зубаревич, 2019)).

Таким образом, эволюция теоретических подходов к пространственному распределению ресурсов представляет собой сложный и многослойный процесс. На смену универсальным и статичным моделям приходят гибкие, мультифакторные конструкции, способные учитывать экономическую, социальную и институциональную специфики конкретных территорий. Однако, резюмируя проведенный анализ, следует констатировать, что ни одна из рассмотренных теорий в своей текущей форме не обеспечивает комплексного объяснения закономерностей пространственного распределения экономических ресурсов и подходов к эффективной организации экономического пространства с учетом разнонаправленного влияния вызовов и факторов социально-экономических преобразований. Это обусловлено рядом методологических и прикладных ограничений:

— преобладание редукционистских моделей, игнорирующих сложность социально-экономических систем (особенно в рамках теорий поляризованного развития и новой экономической географии), с недостаточным вниманием к таким аспектам, как социальная устойчивость, экологическая безопасность, институци-

[1] Кругман, П., Обстфельд, М. (1997). *Международная экономика: Теория и политика*. Москва: ЮНИТИ, 769.

ональное обеспечение и качество среды обитания, что ведет к пространственной фрагментации;

— упрощенное представление о внутреннем и внешнем контексте функционирования пространственных систем: недооценка влияния уровня конкуренции, состояния рынков труда и потребления, а также геополитических факторов и трансграничных шоков, ограничивает прогностические возможности теорий;

— игнорирование периферийных и промежуточных территорий, включая так называемые «оси развития», что затрудняет учет потенциала межрегиональных связей и усиливает диспропорции в пространственной структуре;

— отсутствие адаптации теорий к условиям устойчивой экономической нестабильности, что особенно критично в текущем историческом контексте и требует гибких управленческих решений;

— неадекватность моделей для слаборазвитых и малонаселенных территорий, особенно в условиях России, где значительная часть страны включает регионы с экстремальными природно-климатическими и геостратегическими характеристиками; большинство теорий предполагают априорно высокий уровень социально-экономического развития без необходимой территориальной дифференциации;

— недостаточная проработка механизмов пространственно обусловленных экономических преобразований: рассмотренные теории не предлагают целостной концепции пространственного развития, применимой в условиях системной трансформации.

Несмотря на частичный характер обозначенных ограничений, они в совокупности очерчивают ключевые вызовы, преодоление которых необходимо для формирования современной парадигмы пространственного распределения ресурсов, адекватно отражающей многомерность и сложность территориальных процессов на текущем этапе развития.

3. Типология экономических систем и пространственные эффекты распределения

Типология экономических систем существенно влияет на характер пространственного распределения ресурсов.

Традиционная экономическая система отличается сформировавшимся на протяжении столетий, исторически сложившимся преимущественно аграрным жизненным укладом, крайне недостаточным уровнем развития национального производственного сектора, прочной ориентацией на экспорт сырья и отдельных полуфабрикатов. Социальные гарантии населению сведены до минимума (Гайнетдинов, 2009). Научно обоснованное распределение экономических ресурсов в территориальном аспекте фактически отсутствует, скорее, это будет представлено как архаичная схема взаимодействия между контрагентами различного уровня, включая государство, с целью получения определенной выгоды.

Плановая экономическая система (условно социализм) предполагает четко сформулированные критерии в качестве основ хозяйственной деятельности, закрепленных на государственном уровне: государственная собственность, устанавливаемые в основном государством цены на подавляющее большинство товарных позиций, почти полное отсутствие конкуренции на многочисленных внутренних пространственных рынках, безусловный приоритет государственного управления и контроля на всех уровнях. Национальные планы производства и распределения опосредуют не менее 90 % всех материальных ресурсов. К общеизвестным поло-

жительным приоритетам следует отнести в целом качественное бесплатное медицинское обслуживание, образование, включая высшее, а также социально ориентированную систему пенсионного обеспечения населения. Наиболее значимые социальные результаты и мировые достижения в различных областях деятельности плановая система, по разным оценкам, достигла в период со второй половины 1950-х гг. и до середины 1970-х гг. (Аганбегян, 2023). Несмотря на определенные достижения в обеспечении сбалансированного развития, такая система зачастую игнорирует местные особенности, что приводит к снижению эффективности.

Рыночная (либеральная) экономика характеризуется сравнительно незначительным по историческим критериям временным лагом, если рассматривать ее с точки зрения наиболее эффективного жизненного цикла, — это можно отнести лишь к последней четверти XIX — первому десятилетию XX вв. Высокая политическая непредсказуемость и турбулентность мировых рынков не способствуют стабильному развитию национальных экономических систем, основанных на приоритете частной собственности, конкуренции, рыночно устанавливаемого ценового равновесия при минимальном участии государства. Это приводит к ускоренной цикличности, периодически усиливающимся кризисам и негативным социальным последствиям. После Великой депрессии 1929–1933 гг. в основных чертах подобная система не является исключительной для практического применения (Татаркин, 2016).

Смешанная экономика — наиболее приемлемое развитие мировой и отдельных национальных экономических систем. В основе лежат классические приоритеты рынка, однако роль государственного участия в регулировании экономических отношений значительно возрастает: это обеспечивает во многих развитых национальных системах высокий уровень социальных гарантий. Однако в России в силу инертности восприятия изменившихся исторических реалий, а зачастую и в фундаментально-функциональном аспектах, ранее накопленный для восприятия и практики хозяйствования теоретический императив необратимости либерально-рыночного хода общественных процессов продолжал существовать вплоть до недавнего времени (Сорокин, 2019). Это можно объяснить тем, что фундаментальные основы современного экономического мышления на протяжении почти столетия, по сути, обращаются вокруг двух основополагающих концепций — кейнсианства и монетаризма, во многом взаимоисключающих друг друга. Каждая из них в определенное время претендовала на роль основополагающей экономической идеологии и бесспорного важнейшего приоритета для правительств развитых государств.

Для России в начале 1990-х гг. отличительной моделью трансформации общественной системы можно считать ускоренное внедрение либерально-рыночного механизма под определенным давлением со стороны западных государств, в первую очередь США. Данный переход осуществлялся без учета многочисленных специфических национальных особенностей развития, в силу чего модель перехода от плановой к смешанной экономике оказалась болезненной и в транслируемом виде неприемлемой для России.

4. Геоэкономическое измерение, приоритетные территории и современные вызовы пространственного развития

Геоэкономическое измерение пространственного развития Российской Федерации представляет собой стратегическое направление, направленное на интеграцию территориальных особенностей с национальными целями и задачами

социально-экономического роста. В условиях современных геополитических и экономических вызовов, таких как санкционное давление, изменение глобальных логистических цепочек и необходимость обеспечения технологического суверенитета, особое внимание уделяется формированию сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики (Орлов, 2024).

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р, подчеркивает значимость указанных вызовов и с их учетом определяет ключевые направления и приоритетные территории для реализации государственной политики в области пространственного развития. Согласно документу, основными задачами являются[1]:

— формирование эффективной системы расселения, обеспечивающей доступность услуг и инфраструктуры для населения;

— развитие опорных населенных пунктов, способствующих экономическому росту и инновационному развитию;

— укрепление связности территорий через развитие транспортной и цифровой инфраструктуры;

— снижение межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития.

В рамках реализации стратегии выделены приоритетные территории, обладающие высоким потенциалом для экономического роста и стратегического значения:

1) Дальний Восток: регион с богатым природно-ресурсным потенциалом, ключевой для развития экспортно ориентированных отраслей и укрепления связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом;

2) Арктическая зона: территория с уникальными природными ресурсами, важная для обеспечения энергетической безопасности и развития северного морского пути;

3) Южные регионы: области с высоким аграрным потенциалом и возможностями для развития туризма и рекреации;

4) Центральная Россия: территория с развитой промышленной и научной базой, играющая ключевую роль в обеспечении инновационного развития страны.

Распределение ресурсов в этих регионах должно учитывать не только экономическую целесообразность, но и соображения геополитики, обороноспособности и безопасности. Территории с экстремальными климатическими условиями требуют дифференцированного подхода, основанного на комплексной поддержке: льготных налоговых режимах, институциональных преференциях, субсидиях и привлечении частного капитала через механизмы государственно-частного партнерства (Крюков и др., 2022). Включение этих регионов в общеэкономическое пространство возможно только при условии развития транспортной и цифровой связанности, создания инфраструктурных «каркасов» и обеспечения институционального присутствия государства.

Современные вызовы пространственного развития обусловлены рядом экзогенных и эндогенных факторов. К ним относятся санкционное давление, необходимость технологического суверенитета, усиление климатических рисков, пандемии, а также

[1] Российская Федерация. Законы. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российский Федерации № 4146-р от 28.12.2024 г. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/ (дата обращения: 15.05.2025).

внутренняя миграционная подвижность населения. Традиционные модели, ориентированные на стабильную макроэкономическую среду, оказываются неэффективными в условиях высокой волатильности (Гильмундинов, Панкова, 2023). Это требует пересмотра моделей распределения ресурсов в пользу гибких, адаптивных решений, в том числе на основе применения современных цифровых технологий. Возрастает значение сценарного и стресс-тестирования, системного мониторинга территориального развития, внедрения механизмов быстрого реагирования на изменения. Особую роль приобретает развитие институтов управления на местах, децентрализация полномочий и вовлечение муниципалитетов в процесс стратегического планирования и исполнения распределительных решений (Бочко и др., 2023).

5. Актуальные методологические подходы к пространственному распределению ресурсов

Эффективные подходы к пространственному распределению ресурсов требуют применения мультидисциплинарного инструментария. Необходим учет природных, демографических, институциональных и технологических характеристик территорий, а также многообразных факторов, влияющих на них, что отмечалось ранее.

Традиционные методы оценки распределения ресурсов, такие как балансовые модели межотраслевого взаимодействия, теории локализации и модели транспортных издержек, в значительной мере сохраняют свою значимость (Фаттахов, Хачатрян, 2024). Однако их применение требует существенного усложнения с учетом следующих факторов: пространственно-временной динамики, неоднородности институциональной среды, асимметричного доступа к инфраструктуре и информационным потокам. Поэтому современная методология должна быть комплексной, мультидисциплинарной и ориентированной на интеграцию данных в реальном времени.

Ключевым элементом методологического инструментария становится использование геоинформационных систем (далее — ГИС), позволяющих проводить пространственно-визуализированный анализ обеспеченности территорий ресурсами, выявлять неравномерности и прогнозировать последствия перераспределения. Такие системы интегрируются с демографическими, инфраструктурными, экологическими и экономическими базами данных, обеспечивая возможность построения цифровых двойников территорий — виртуальных моделей, отражающих текущие параметры и потенциальные сценарии развития (Строев, 2018).

Важное значение приобретает разработка и внедрение интегральных индексов пространственной сбалансированности, которые могут включать совокупность нормализованных показателей, отражающих уровень освоенности территории, ресурсную обеспеченность, институциональный потенциал, инфраструктурную доступность и индекс человеческого капитала (Строев, 2023). Примером может служить составной индекс территориальной емкости, рассчитываемый как средневзвешенное значение по ряду критических факторов (например, плотность транспортных узлов, доступ к цифровым сервисам, степень освоения земель, объем инвестиций на душу населения и т. д.) (Бабич, 2017).

Современная методология также требует учета временного аспекта в оценке как ретроспективного анализа (оценка эффективности предыдущих решений по распределению), так и прогнозирования на основе сценарного моделирования. В условиях высоких внешнеэкономических рисков важно использовать стресс-тестирование территориальных моделей, позволяющее оценить устойчивость ре-

гионов к шокам: санкциям, логистическим сбоям, демографическим или климатическим изменениям. Это особенно актуально для оценки потенциальных точек роста в депрессивных или пограничных зонах.

Еще одной важной составляющей является институциональный анализ, позволяющий учитывать не только формальные, но и неформальные механизмы функционирования территориальных систем: степень автономии территорий, эффективность использования бюджетных трансфертов, наличие инвестиционных платформ и сетей взаимодействия между акторами. Методологический подход к пространственному распределению ресурсов должен включать оценку институциональной емкости территории, что подразумевает способность региональных структур разрабатывать и реализовывать проекты, управлять ресурсами, привлекать внешние инвестиции и обеспечивать устойчивое развитие (Тамбовцев, Рождественская, 2024).

Особую роль в современных условиях приобретает цифровизация мониторинга, позволяющая на регулярной основе (вплоть до ежедневной) собирать и анализировать показатели ресурсного распределения, вовлеченности ресурсов в хозяйственный оборот и эффективности их использования. Сбор больших объемов данных (big data), машинное обучение и аналитика на основе искусственного интеллекта открывают возможности для построения динамических моделей распределения с учетом реального поведения экономических агентов и внешних воздействий.

С методологической точки зрения важным также является учет принципа субсидиарности, предполагающего перераспределение управленческих функций на максимально приближенный к территории уровень, что требует включения мнений и потребностей локальных сообществ, проведения социологических и экспертных исследований, интеграции принципов партисипативного планирования (Маркварт, 2017).

6. Принципы и механизмы оптимального пространственного распределения ресурсов

Оптимизация пространственного распределения экономических ресурсов представляет собой одну из ключевых задач государственной социально-экономической политики. В условиях роста региональной поляризации, неравномерности доступности инфраструктуры, демографических диспропорций и структурной уязвимости целых макрорегионов, формирование эффективных принципов и механизмов распределения ресурсов приобретает особую актуальность. От корректности этих механизмов напрямую зависит устойчивость экономической системы, сбалансированность регионального развития и общая конкурентоспособность страны на глобальной арене.

Методологической основой современных подходов к оптимальному распределению ресурсов выступает интеграция трех категорий принципов: ценностно-нормативных, экономических и институциональных.

К числу ключевых ценностно-нормативных принципов относятся:

1) справедливость — необходимость устранения крайних форм территориального неравенства и обеспечение базового уровня инфраструктурной и социальной обеспеченности во всех регионах страны;

2) солидарность — усиление механизмов перераспределения ресурсов в пользу территорий, испытывающих структурные ограничения или находящихся в зоне риска (отдаленные, депопулируемые, арктические районы);

3) прозрачность и подотчетность — обеспечение открытости процедур принятия решений по распределению, доступности данных и отчетности.

Среди экономических принципов особое значение имеют:

1) эффективность — необходимость достижения максимальной социально-экономической отдачи от вложенных ресурсов при минимальных затратах;

2) комплексность — обязательность учета межотраслевых и межрегиональных связей, синергетического эффекта и мультипликативных последствий от инвестиций;

3) адаптивность — способность распределительных механизмов гибко реагировать на внешние вызовы и внутренние трансформации.

К институциональным принципам относятся:

1) субсидиарность — перенос принятия решений на максимально приближенный к потребностям территории уровень (муниципалитет, субъект Российской Федерации);

2) партнерство — активное включение частного сектора, научных и общественных организаций в процесс планирования и реализации распределительных механизмов;

3) инновационность — опора на цифровые технологии, интеллектуальные модели прогнозирования и автоматизированные системы принятия решений.

На основе этих принципов выстраивается комплекс механизмов оптимального распределения, который должен быть многоуровневым и системным. Он включает в себя следующие ключевые элементы.

1. Пространственное стратегическое планирование.

Основной механизм долгосрочного перераспределения ресурсов — это государственные стратегии и программы пространственного развития, определяющие приоритетные зоны роста, опорные точки расселения, магистральные инфраструктурные направления. Планирование должно строиться на анализе емкости региональных экономик, сценарных моделях и учете потенциала институционального освоения ресурсов. Актуализация основного документа — Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. — предопределяет трансформацию значительной части нормативно-правовых актов и документов территориального планирования в целях формирования единой системы пространственного стратегического планирования, без которых невозможно достижение пространственных приоритетов и эффективное распределение ресурсов.

2. Инфраструктурное проектирование и развитие инфраструктурных каркасов.

Эффективное распределение также невозможно без создания «каркаса развития» — системы транспортных, энергетических, логистических и цифровых коридоров, связывающих регионы между собой и с внешними рынками (Макаров и др., 2025). Эти каркасы формируют зону притяжения для капитала и трудовых ресурсов.

3. Территории опережающего развития и особые экономические зоны.

Специальные режимы, налоговые льготы и упрощенные административные процедуры позволяют концентрировать ресурсы в стратегических зонах (например, Арктика, Дальний Восток), стимулируя развитие там, где рыночные механизмы оказываются недостаточными (Орлов, Иванов, 2021).

4. Межбюджетные трансферты и субсидирование.

Распределение федеральных ресурсов между регионами остается важнейшим инструментом сглаживания диспропорций. Однако его эффективность зависит

от прозрачности методик расчета, учета специфики регионов и жесткой привязки к показателям результативности (Строев и др., 2023).

5. Инструменты государственно-частного партнерства (далее — ГЧП).

Оптимизация распределения невозможна без привлечения внебюджетных источников. Механизмы ГЧП позволяют не только мобилизовать дополнительные ресурсы, но и обеспечить софинансирование, распределение рисков и стимулирование технологического обновления (Крюков, 2023).

6. Цифровые платформы управления ресурсами.

Создание национальной цифровой платформы пространственного развития, включающей модули геоаналитики, мониторинга, оценки эффективности проектов и планирования потребностей, позволит перейти к проактивной модели распределения ресурсов, основанной на объективных данных и алгоритмических расчетах (Низамутдинов и др., 2024).

7. Инклюзивное участие локальных сообществ.

Принятие решений о распределении должно учитывать мнение населения, бизнес-структур и региональных экспертов. Это возможно через развитие механизмов партисипативного бюджетирования, общественных слушаний и цифровых каналов обратной связи (Пивоварова, 2024).

Таким образом, оптимизация пространственного распределения ресурсов требует системной трансформации подходов — от вертикально-иерархического управления к сетевой, цифровой и партнерской модели. Применение современных принципов и инструментов позволит обеспечить не только рациональное освоение ресурсного потенциала страны, но и укрепление единства экономического пространства, повышение территориальной справедливости и устойчивости российской модели развития в условиях глобальной турбулентности.

7. Заключение

Проведенное исследование подтвердило высокую актуальность и многогранность проблематики пространственного распределения экономических ресурсов в условиях трансформации глобальной и национальной социально-экономической системы. Эволюция теоретических представлений, от классических моделей размещения факторов производства до современных междисциплинарных подходов, позволяет обоснованно утверждать, что пространственное развитие должно рассматриваться не только как экономическая категория, но и как институционально-политический и социально-культурный феномен, постоянно подвергающийся воздействию внутренних и внешних факторов. При этом в процессе проведения ретроспективного анализа теоретических подходов к пространственному распределению ресурсов были выделены методологические и прикладные ограничения применения существующих теорий в условиях современных вызовов, которые не позволяют в полном объеме учесть специфику пространственных трансформаций.

Выявленные особенности экономических систем продемонстрировали специфику институциональных рамок каждой из них, что влияет на пространственное развитие на различных территориальных уровнях. Для России, обладающей высоким уровнем пространственной дифференциации и уникальными геоэкономическими характеристиками, особенно важно учитывать региональную специфику, природные ограничения, институциональные различия и геополитическую значимость отдельных территорий, что в наибольшей степени возможно обеспечить в рамках сме-

шанной модели, объединяющей рыночные стимулы с механизмами государственного регулирования, что в свою очередь непосредственно сопряжено с необходимостью актуализации подходов к оптимизации распределения ресурсов в пространстве.

На основе анализа актуальных вызовов и стратегических документов, в частности Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., обоснована необходимость перехода к гибким, цифровым, адаптивным механизмам планирования и распределения. Современная методология должна быть мультидисциплинарной и учитывать не только физическую обеспеченность ресурсами, но и институциональную емкость, уровень инфраструктурной связанности, человеческий капитал и цифровую интеграцию регионов.

Предложенные принципы и механизмы оптимального распределения ресурсов ориентированы на достижение устойчивого, справедливого и сбалансированного территориального развития, повышение эффективности государственного управления и формирование единого экономического пространства страны. Внедрение предложенных элементов механизма оптимального распределения ресурсов — инструментов цифровой аналитики, партисипативного планирования, государственно-частного партнерства, стратегического планирования и территориальной специализации позволит не только сократить межрегиональные различия, но и учесть новые факторы пространственного развития и активизировать экономический потенциал периферийных и стратегически важных зон в условиях новых вызовов.

Таким образом, предложенные методологические основы, которые целесообразно использовать при формировании современных подходов к пространственному распределению ресурсов, могут стать базой эффективной системы пространственного управления ресурсами, отвечающей вызовам XXI в. и задачам долгосрочной национальной стратегии развития России.

Список источников

Аганбегян, А. Г. (2023). Отцы-основатели социально-экономического учения в годы «великого перелома», перехода к плановой социалистической системе (Н. Д. Кондратьев, его сподвижники — А. Л. Вайнштейн и современники Л. Е. Минц и С. А. Хейнман). По личным воспоминаниям. *Научные труды Вольного экономического общества России, 240*(2), 170–196. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-240-2-170-196

Бабич, С. Г. (2017). Индексный анализ дифференциации регионов РФ по основным показателям инновационной деятельности. *Статистика и экономика, 14*(2), 3–13.

Баранский, Н. Н. (1980). *Становление советской экономической географии.* Москва: Мысль, 206.

Бочко, В. С., Захарчук, Е. А. (2023). От типовых стратегий развития территорий к их индивидуализации. *AlterEconomics, 20*(2), 376–391. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.5

Бухвальд, Е. М. (2020). Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты. *Управленец, 11*(6), 2–14. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-1

Гайнетдинов, А. Н. (2009). Типология территориально-организованных экономических систем. *Terra Economicus, 7*(1–2), 175–179.

Гильмундинов, В. М., Панкова, Ю. В. (2023). Пространственное развитие России в условиях внешних и внутренних вызовов. *Проблемы прогнозирования,* (4(199)), 82–93. https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93

Джурка, Н. Г. (2021). Система пространственных рынков в национальной экономике: проблемы измерений. *Пространственная экономика, 17*(4), 16–40. https://doi.org/10.14530/se.2021.4.016-040

Зубаревич, Н. В. (2019). Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты. *Вопросы экономики,* (1), 135–145. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145

Изард, У. (1966). *Методы регионального анализа: введение в науку о регионах.* Москва: Прогресс, 659.

Канторович, Л. В. (1959). *Экономический расчет наилучшего использования ресурсов.* Москва: АН СССР, 345.

Колосовский, Н. Н. (1969). *Теория экономического районирования.* Москва: Мысль, 336.

Крюков, В. А. (2023). Об институционализации роли и места крупного бизнеса в решении проблем социально-экономического развития страны. *Экономическое возрождение России,* (2(76)), 42–52. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2(76)-42-52

Крюков, В. А., Суслов, Н. И., Ягольницер, М. А. (2022). Об основах развития экономики Азиатской России. *ЭКО, 52* (1), 121–140. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-140

Лаврикова, Ю. Г., Акбердина, В. В., Суворова, А. В. (2019). Согласование приоритетов научнотехнологического и пространственного развития индустриальных регионов. *Экономика региона, 15* (4), 1022–1035. https://doi.org/10.17059/2019-4-5

Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. (2020). Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей. *Экономика региона, 16* (4), 1017–1030. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1

Лёш, А. (2007). *Пространственная организация хозяйства.* Москва: Наука, 663.

Лунгэнь, И. (2005). Экономический рост в Китае: пространственно-экономический анализ. *Пространственная экономика,* (1), 133–152.

Макар, С. В. (2024). Управление экономическими ресурсами как компонентами пространственных образований: содержательные и методологические акценты различных пространственных уровней. *Дискуссия,* (6(127)), 6–12. https://doi.org/ 10.46320/2077-7639-2024-6-127-55-12

Макаров, И. Н., Смыслова, О. Ю., Авдеева, Э. А. и др. (2025). *Пути и механизмы преодоления социально-экономических диспропорций регионов России.* Уфа: Аэтерна, 186.

Маркварт, Э. (2017). Участие жителей в стратегическом планировании — обременительная обязанность или нераскрытый потенциал?. *Вестник экспертного совета,* (2(9)), 26–32.

Минакир, П. А. (2019). Российское экономическое пространство: стратегические тупики. *Экономика региона, 15* (4), 967–980. https://doi.org/10.17059/2019-4-1

Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. (2010). Пространственная экономика: эволюция подходов и методология. *Пространственная экономика,* (2), 6–32. http://dx.doi.org/10.14530/se.2010.2.006-032

Немчинов, В. С. (1962). *Экономико-математические методы и модели.* Москва: Соцэгиз, 410.

Низамутдинов, М. М., Орешников, В. В., Давлетова, З. А. (2024). Разработка и апробация инструментария стратегического планирования территориального развития на основе интеллектуальной адаптивной имитационной модели. *Бизнес-информатика, 18* (4), 25–45. https://doi.org/10.17323/2587-814X.2024.4.25.45

Орлов, С. Л. (2024). Новые приоритеты пространственного развития — основа сокращения диспропорционального положения регионов России. *Проблемы современной экономики,* (1(89)), 21–23.

Орлов, С. Л., Иванов, Г. Г. (2021). *Особые экономические территории в России.* Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 252.

Пивоварова, О. В. (2024). Оценка эффективности организации общественной собственности: проблемы реализации и направления совершенствования. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки,* (3), 94–100. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-94-100

Пилясов, А. Н., Гончаров, Р. В., Максимова, И. С. (2020). Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики. Под ред. В. М. Котлякова, А. Н. Швецова, О.Б. Глезера, *Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке* (с. 194–213). Москва: Товарищество научных изданий КИМ.

Пробст, А. (1962). *Размещение социалистической промышленности.* Москва: Экономиздат, 340.

Ратцель, Ф. (2007). *Геополитика: Хрестоматия* (с. 140–147). Санкт-Петербург: СЗАГС.

Смит, А. (2016). *Исследование о природе и причинах богатства народов.* Москва: ЭКСМО, 1056.

Сорокин, Д. Е. (2019). О способности России к социально-экономическим трансформациям. *Экономическое возрождение России,* (1(59)), 23–28.

Строев, П. В. (2023). Влияние размещения экономических ресурсов на особенности пространственной организации России. *Экономика региона, 19*(4), 949–963. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-2

Строев, П. В., Пивоварова, О. В., Шеожев, Х. В., Дудник, А. И. (2023). Регионы с низкой финансовой устойчивостью: анализ и активизация развития. *Финансовый журнал, 15*(1), 26–44. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-26-44

Строев, П. В., Фаттахов, Р. В., Макар, С. В., Власюк, Л. И., Кашин, В. К., Макрушин, С. В., Нестерова, Н. Н., Низамутдинов, М. М., Решетников С. Б., Скирдов, М. Р., Смыслова, О. Ю. (2018). *ГИС-технологии для управления устойчивым пространственным развитием регионов России.* Москва: ООО «А-проджект», 190.

Суворова, А. В. (2020). Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов. *Журнал экономической теории, 17*(3), 629–642. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.9

Тамбовцев, В. Л., Рождественская, И. А. (2024). Механизмы реализации территориальных стратегий в институциональной теории стратегического планирования. *Terra Economicus, 22*(1), 20–34. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-20-34

Татаркин, А. И. (2016). Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз,* (1(43)), 39–65. https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.3

Фаттахов, Р. В., Хачатрян, А. А. (2024). Фундаментальные тенденции распределения и использования экономических ресурсов. *Проблемы экономики и юридической практики, 20*(6), 172–179. https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-6-172-179

Шаталова, О. М. (2022). Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов. *Вестник ЮУрГУ. Серия: «Экономика и менеджмент», 16*(2), 55–63. https://doi.org/10.14529/em220205

Юдин, Г. Б. (2006). Миро-системный подход к марксистскому анализу социальной стратификации. *Экономическая социология, 7*(1), 92–110. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2006-1-92-110

Christaller, W. (1980). *Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eineökonomisch-geographische Untersuchungüberdie Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungenmitstädtischer Funktionen.* Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Davis, D. R., & Weinstein, D. E. (2002). Bones, bombs, and break points: the geography of economic activity. *American economic review, 92*(5), 1269–1289. https://www.doi.org/10.1257/000282802762024502

Fujita, M., Krugman, P. R., & Venables, A. (2001). *The spatial economy: Cities, regions, and international trade.* MIT press.

Krugman, P. (1991). Increasing Returns and Economic Geography. *The Journal of Political Economy, 99*(3), 483–499. https://www.doi.org/10.1086/261763

Marshall, A. (1895). *Principles of Economics.* Macmillan and Co.

Schaldach, R., Alcamo, J., & Heistermann, M. (2006). *The multiplescale land use change model LandShift: a scenario analysis of land use change and environmental consequences in Africa.* https://www.researchgate.net/publication/254619668_The_multiple-scale_land_use_change_model_LandShift_A_scenario_analysis_of_land_use_change_and_environmental_consequences_in_Africa (дата обращения: 15.04.2025).

Venables, A. J. (1996). Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries. *International Economic Review, 37*(2), 341–359. https://www.doi.org/10.2307/2527327

References

Aganbegyan, A. G. (2023). The founding fathers of the socio-economic doctrine in the years of the great turning point, the transition to a planned socialist system (N. D. Kondratiev, his associates — A. L.

Weinstein and contemporaries L. E. Mints and S. A. Heinman). According to personal memories. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 240* (2), 170–196. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-240-2-170-196 (In Russ.)

Babich, S. G. (2017). Index analysis of differentiation of the Russian Federation regions on the basic indicators of innovation activity. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics], 14* (2), 3–13. (In Russ.)

Baransky, N. N. (1980). *Stanovlenie sovetskoi ekonomicheskoi geografii [Formation of Soviet Economic Geography]*. Moscow: Mysl' Publ., 206. (In Russ.)

Bochko, V. S., & Zakharchuk, E. A. (2023). From Standard Territorial Development Strategies to Their In dividualization. *AlterEconomics, 20* (2), 376–391. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.5 (In Russ.)

Bukhvald, E. M. (2020). Managing the spatial development of the Russian economy: Goals and tools. *Upravlenets [The Manager], 11* (6), 2–14. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-1 (In Russ.)

Christaller, W. (1980). *Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eineökonomisch-geographische Untersuchungüberdie Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungenmitstädtischer Funktionen.* Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Davis, D. R., & Weinstein, D. E. (2002). Bones, bombs, and break points: the geography of economic activity. *American economic review, 92* (5), 1269–1289. https://www.doi.org/10.1257/000282802762024502

Dzhurka, N. G. (2021). Spatial Markets in a National Framework: Measurement Issues. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics], 17* (4), 16–40. https://doi.org/10.14530/se.2021.4.016-040 (In Russ.)

Fattakhov, R. V., & Khachatryan, A. A. (2024). Fundamental Trends in the Allocation and Use of Economic Resources. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki [Economic Problems and Legal Practice], 20* (6), 172–179. https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-6-172-179 (In Russ.)

Fujita, M., Krugman, P. R., & Venables, A. (2001). *The spatial economy: Cities, regions, and international trade.* MIT press.

Gaynetdinov, A. N. (2009). Typology of Territorially Organized Economic Systems. *Terra Economicus, 7* (1-2), 175–179. (In Russ.)

Gilmundinov, V. M., & Pankova, Yu. V. (2023). Spatial Development of Russia under the Conditions of External and Internal Challenges. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development],* (4(199)), 82–93. https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93 (In Russ.)

Isard, W. (1966). *Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh [Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science]*. Moscow: Progress Publ., 659. (In Russ.)

Kantorovich, L. V. (1959). *Ekonomicheskii raschet nailuchshego ispol'zovaniya resursov [Economic Calculation of the Best Possible Use of Resources]*. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union, 345. (In Russ.)

Kolosovsky, N. N. (1969). *Teoriya ekonomicheskogo raionirovaniya [The theory of economic regionalization]*. Moscow: Mysl' Publ., 336. (In Russ.)

Krugman, P. (1991). Increasing Returns and Economic Geography. *The Journal of Political Economy, 99* (3), 483–499. https://www.doi.org/10.1086/261763

Kryukov, V. A. (2023). On institutionalization of the role and place of big business in solving the problems of socio-economic development of the country. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia],* (2(76)), 42–52. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2(76)-42-52 (In Russ.)

Kryukov, V. A., Suslov, N. I., & Yagolnitser, M. A. (2022). The economic development basis of Asian Russia. *EKO [ECO], 52* (1), 121–140. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-140 (In Russ.)

Lavrikova, Yu. G., & Suvorova, A. V. (2020). Optimal Spatial Organisation of the Regional Economy: Search for Parameters and Dependencies. *Ekonomika regiona [Economy of Region], 16* (4), 1017–1030. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1 (In Russ.)

Lavrikova, Yu. G., Akberdina, V. V., & Suvorova, A. V. (2019). Coordinating the Priorities of Scientific, Technological and Spatial Development of Industrial Regions. *Ekonomika regiona [Economy of Region], 15* (4), 1022–1035. https://doi.org/10.17059/2019-4-5 (In Russ.)

Lösch, A. (2007). *Prostranstvennaya organizatsiya khozyaistva [Spatial organization of the economy]*. Moscow: Nauka Publ., 663. (In Russ.)

Makar, S. V. (2024). Management of economic resources as components of spatial formations: substantive and methodological accents of various spatial levels. *Diskussiya [Discussion],* (6(127)), 6–12. https://doi.org/ 10.46320/2077-7639-2024-6-127-55-12 (In Russ.)

Makarov, I. N., Smyslova, O. Yu., Avdeeva, E. A. et al. (2025). *Puti i mekhanizmy preodoleniya sotsial'no-ekonomicheskikh disproportsii regionov Rossii [Ways and mechanisms to overcome socio-economic disproportions in Russian regions]*. Ufa, Russia: Aeterna Publ., 186. (In Russ.)

Markvart, E. (2017). Participation of Inhabitants in Strategic Planning — The Burdensome Duty Or Unsolved Potential?. *Vestnik ekspertnogo soveta [Bulletin of the Expert Council],* (2(9)), 26–32. (In Russ.)

Marshall, A. (1895). *Principles of Economics.* Macmillan and Co.

Minakir, P. A. (2019). Russian Economic Space: Strategic Impasses. *Ekonomika regiona [Economy of Region], 15* (4), 967–980. https://doi.org/10.17059/2019-4-1 (In Russ.)

Minakir, P. A., & Demyanenko, A. N. (2010). Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics],* (2), 6–32. http://dx.doi.org/10.14530/se.2010.2.006-032 (In Russ.)

Nemchinov, V. S. (1962). *Ekonomiko-matematicheskie metody i modeli [Economic and mathematical methods and models]*. Moscow: Sotsekgiz Publ., 410. (In Russ.)

Nizamutdinov, M. M., Oreshnikov, V. V., & Davletova, Z. A. (2024). Development and testing of the toolkit of strategic planning of territorial development on the basis of an intelligent adaptive simulation model. *Biznes-informatika [Business Informatics], 18* (4), 25–45. https://doi.org/10.17323/2587-814X.2024.4.25.45 (In Russ.)

Orlov, S. L. (2024). New priorities of spatial development as the basis for reducing the disproportionate position of Russia's regions. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Problems of Modern Economics],* (1(89)), 21–23. (In Russ.)

Orlov, S. L., & Ivanov, G. G. (2021). *Osobye ekonomicheskie territorii v Rossii [Special economic territories in Russia]*. Moscow: Publishing and trading Corporation "Dashkov and Ko", 252. (In Russ.)

Pilyasov, A. N., Goncharov, R. V., & Maksimova, I. S. (2020). Location of productive forces under the condition of knowledge economy. In V. M. Kotlyakov, A. N. Shvetsov, O. B. Glezer (Eds.), *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke [Challenges and policy of Russia's spatial development in the 21st century]* (pp. 194–213). Moscow: Association of Scientific Publications of KMK. (In Russ.)

Pivovarova, O. V. (2024). Assessment of the effectiveness of public property organization: problems of implementation and directions for improvement. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and Municipal Management. Scholar Notes],* (3), 94–100. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-94-100 (In Russ.)

Probst, A. (1962). *Razmeshchenie sotsialisticheskoi promyshlennosti [Placement of socialist industry]*. Moscow: Ekonomizdat Publ., 340. (In Russ.)

Ratzel, F. (2007). *Geopolitika: Khrestomatiya [Geopolitics: Anthology]* (pp. 140–147). St. Petersburg: Northwestern Academy of Public Service Publ. (In Russ.)

Schaldach, R., Alcamo, J., & Heistermann, M. (2006). *The multiplescale land use change model LandShift: a scenario analysis of land use change and environmental consequences in Africa.* https://www.researchgate.net/publication/254619668_The_multiple-scale_land_use_change_model_LandShift_A_scenario_analysis_of_land_use_change_and_environmental_consequences_in_Africa (Date of access: 15.04.2025).

Shatalova, O. M. (2022). Differentiation in the economic space of the Russian Federation: structural analysis at the level of macro-regions. *Vestnik YuUrGU. Seriya: "Ekonomika i menedzhment" [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management], 16* (2), 55–63. https://doi.org/10.14529/em220205 (In Russ.)

Smith, A. (2016). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]*. Moscow: EKSMO, 1056. (In Russ.)

Sorokin, D. E. (2019). On Russia's aptitude for socioeconomic transformations. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [The Economic Revival of Russia],* (1(59)), 23–28. (In Russ.)

Stroev, P. V. (2023). Impact of the Allocation of Economic Resources on the Spatial Organisation of the Russian Economy. *Ekonomika regiona [Economy of regions], 19*(4), 949–963. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-2 (In Russ.)

Stroev, P. V., Fattakhov, R. V., Makar, S. V., Vlasyuk, L. I., Kashin, V. K., Makrushin, S. V., Nesterova, N. N., Nizamutdinov, M. M., Reshetnikov, S. B., Skirdov, M. R., & Smyslova, O. Yu. (2018). *GIS-tekhnologii dlya upravleniya ustoichivym prostranstvennym razvitiem regionov Rossii [Gis-Technology for Managing Sustainable Spatial Development of Russian Regions]*. Moscow: A-project, LLC., 190. (In Russ.)

Stroev, P. V., Pivovarova, O. V., Sheozhev, Kh. V., & Dudnik, A. I. (2023). Regions with Low Financial Sustainability: Analysis and Enhancement of Development. *Finansovyi zhurnal [Financial Journal], 15*(1), 26–44. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-26-44 (In Russ.)

Suvorova, A. V. (2020). Evolution of Approaches in the Theory of Economic Space. *Zhurnal Economicheskoj Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 17*(3), 629–642. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.9 (In Russ.)

Tambovtsev, V. L., & Rozhdestvenskaya, I. A. (2024). Implementing territorial development strategies within institutional approach to strategic planning. *Terra Economicus, 22*(1), 20–34. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-20-34 (In Russ.)

Tatarkin, A. I. (2016). Theoretical-Methodological Preconditions for the Formation of Mixed Economy in the Russian Federation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast],* (1(43)), 39–65. https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.3 (In Russ.)

Venables, A. J. (1996). Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries. *International Economic Review, 37*(2), 341–359. https://www.doi.org/10.2307/2527327

Ying, L. G. (2003). Understanding China's recent growth experience: A spatial econometric perspective. *The Annals of Regional Science, 37,* 613–628.

Yudin, G. B. (2006). World-System Approach to Marx's Analysis of Social Stratification. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology], 7*(1), 92–110. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2006-1-92-110 (In Russ.)

Zubarevich, N. V. (2019). Spatial development Strategy: Priorities and instruments. *Voprosy ekonomiki,* (1), 135–145. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145 (In Russ.)

Информация об авторе

Строев Павел Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; https://orcid.org/0000-0003-4770-9140 (Российская Федерация, 125375, г. Москва, ул. Тверская, д. 22Б/3; e-mail: pstroev@fa.ru).

About the author

Pavel V. Stroev — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director of the Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0003-4770-9140 (22B/3, Tverskaya St., Moscow, 125375, Russian Federation; e-mail: pstroev@fa.ru).

Дата поступления рукописи: 03.04.2025.
Прошла рецензирование: 10.04.2025.
Принято решение о публикации: 02.06.2025.
Received: 03 Apr 2025.
Reviewed: 10 Apr 2025.
Accepted: 02 Jun 2025.